

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ»
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА:
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 4

ЮБИЛЕЙНЫЙ

По материалам
четвертой международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения А. П. ПЛАТОНОВА

19–22 сентября 1999 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ»
2000

ствия» (Успенский Б. Указ. соч. С. 149–155). И в «Чевентуре» присутствуют оба типа рассказчика.

¹⁰ См., например, следующее место, весьма типичный пример внутренней фокализации: «Чепурный безмолвно наблюдал солнце, степь и Чевенгур, и чутко ощущал волнение близкого коммунизма. Он боялся своего поднимавшегося настроения, которое густой силой закупоривает головную мысль и делает трудным внутреннее переживание. Профохия сейчас находить долго, а он бы мог сформулировать, и стало бы внятно на душе. — Что такое мне трудно, это же коммунизм настает! — в темноте своего волнения тихо отыскивал Чепурный».

¹¹ Выегин В. Из наблюдений над рукописью романа «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова; *Он же. Повесть А. П. Платонова «Строители страны». К реконструкции произведения // Из творческого наследия писателей XX в.: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб., 1995.*

«Симметрическая композиция, в которой конфликтные элементы расположены симметрично относительно центральной оси. Более того, симметрическая композиция – это не просто идея, а архитектурный принцип. Важно, что симметрическая композиция не только единство, но и диалог, и взаимодействие. Симметрическая композиция – это не просто равновесие, это диалог, это обмен идеями, это обмен информацией» (Избранные статьи и интервью, М. В. Шолохов. «Симметрическая композиция в романах М. В. Шолохова», с. 20).

Мы можем обратить ряд комментариев к роману «Чевенгур» в контексте теории симметрической композиции. Так, в комментарии к роману А. П. Платонова М. Г. Головин пишет: «Мне кажется, что в романе есть симметрическая композиция как в художественном, так и в политическом смысле» (Головин М. Г. А. П. Платонов. «Чевенгур»). Д. Н. Смирнов пишет: «Все элементы романа, начиная с общей композиции и заканчивая

конфиденциальными деталями, ложатся в аксонометрическую симметрическую систему, момента неизвестных никакой склонности, изображающей мотив или анекдотах, историко-литературных знаний, а также цитирований из различных романов, пьес, фильмов, даже из античной литературы».

Конечно же, если говорить о симметрии в романе в строгом художественном смысле, то ее нет, но можно сказать, что роман «Чевенгур» симметричен в своем построении на основе диалога членов семейства и их противостояния.

Роберт Ходел (Гамбург) Роман «Чевенгур» интересен тем, что автор

ЧЕВЕНГУР И РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Несмотря на появление новых произведений и записей, рецепция платоновского творчества последних лет не стала единообразнее. Платонов все еще слывет и фундаментальным критиком утопических начал, и апологетом «грехов юности», и анархистом, и даже соцреалистом. На уровне текстологии эта неопределенность автора конкретизируется, например, в датировке плана неизвестного романа «Зреющая звезда»: «Если предположить, — пишет Колесникова, — что план был создан незадолго до «Чевенгура» и «Котлована», то «охлаждение» автора к революции был не постепенный процесс, а резкий кризис. Если же отнести это произведение к «посткотлованскому» периоду, то, скорее всего, пришлось бы поверить Платонову, что он и в «Чевенгуре» не отказывался от социалистических идеалов»¹.

Виктор Ерофеев в 1994 г. в Пражском университете отнес это разногласие к самому автору, называя Платонова, вместе с Гоголем, «идиотами», которые не знали, какие они создали гениальные произведения. Но и в этом суждении проявляется известная традиция. По отношению к роману «Чевенгур» она исходит из замечания Литвина-Молотова о «Строителях страны»:

«Впечатление таково, что будто автор задался целью в художественных образах и картинах показать несостоятельность идей большевиков и возможности построения социализма в одной стране (курсив здесь и далее наш. — Р.Х.)»². Настораживает тут слово *будто*, которое указывает на возможность расхождения имплицитного и исторического авторов. Однако представление о том, что авторские намерения в процессе писания превращаются в противоположное, не совсем может удовлетворить литературоведа.

Предстоящими размышлениями мы попытаемся преодолеть или, скорее, сгладить это разногласие³. Попытка основывается на разделении Чевенгурской утопии на два разных начала — на «коммунизм Чепурного», как утверждается в тексте, и на «Давновский Чевенгур», т. е. на образ жизни, который возникает

после прибытия Александра Дванова в степной город. Идеологическим фоном расхождения при этом является спор Розы Люксембург с русским централизмом.

Бесспорно, что манипуляции Чепурного и Прокофия в Чевенгуре осуждаются самим автором. Механическое осуществление бесклассового общества истреблением всего городского населения ведет лишь к *перераспределению частной собственности*⁴. В лице Прокофия и Клавдиюши нарождается тот новый имущий класс, который Платонов раскритиковал уже в 1921 г. в «фельетоне о стервецах» «Душа человека — неприличное животное», где с презрением говорил о введении нового порядка *официальными революционерами в полном обличии*. На уровне текстологии признаком «первого Чевенгур» является тенденция к нейтральному повествованию. Оно особенно ярко проявляется в весьма для платоновского творчества редком приеме — в психологических объяснениях поступков героев. О Пилюси, например, мы узнаем, что он до назначения председателем чрезвычайки работал двадцать лет каменным кладчиком. Этим замечанием автор дает понять, что жестокая деятельность героя, в отличие от Чепурного или Копенкина, коренится в личных переживаниях, т. е. лишается объективного основания. Симптоматично для «первого Чевенгур» и взаимоотношение революционных лидеров. Идеологическая голова города Прокофий свободно пользуется бедственным умственным положением Чепурного: он отбил у него даже супругу, в зависимости от настроения которой и «формулировал всю революцию». Прокофий, в отличие от своего сводного брата Александра, обладает точным знанием, дающим ему право на планомерную перестройку действительности. Более того, он сохраняет связь с центром администрации. Его сожительница Клавдиуша — двенадцатый член ячейки, т. е. своего рода Иуда, — мечтает даже о прямом переезде в Москву. Убеждением, что при любой организации «не думает более одного человека», Прокофий приобретает явно реально-сатирические черты. Напомним, что в 1926 г. Сталин, удостоверясь в том, что нет политического решения без «ведущей инструкции партии», пришел к заключению, что «диктатура пролетариата есть, по существу, „диктатура“ его авангарда, „диктатура“ его партии...»⁵.

«Двановская коммуна» по всем значимым признакам романа резко отличается от «коммунизма Чепурного». В Чевенгур возвращаются работа (ремонт домов, забота о запасе на зиму, ирригация), наука (использование солнечной энергии), оборона, искусство (живопись, скульптура, литература)⁶ и вареная еда. В то время как прежде солнце освободило коммунистов от земного труда, чевенгурцы теперь сами хотят «трудиться не хуже природы и деревянной машины». В городе распространяется дух примирения. «Старое буржуазное кладбище» больше не возбуждает ненависть, как прежде душа убитых горожан, которую Пилюся убивал в горле вторым выстрелом; Дванов и Гопнер разбирают кресты, потому что не хватает строительного материала на сооружение плотины. Завоеватель революции Копенкин впряжен в свою боевую лошадь в плуг, а Пилюся заменяет наган лопатой. Даже Прокофию, который среди общей заботы друг о друге «стал собирать имущество вместо товарищей», не желают горя: «Пускай находится среди коммунизма, он сам на людской состав перейдет», — рассуждает Копенкин. Бесмысленные притязания на вечный рай на земле заменяются известной прагматикой. В то время как смерть ребенка служила доказательством отсутствия коммунизма в Чевенгуре, Яков Титыч примиряется со своей мучительной болезнью тем, что «думает» о молодой жизни тринадцатилетнего Егория. На вопрос Сер-

бинова, есть ли горе или грусть в Чевенгуре, Дванов отвечает, что «горе или грусть это тоже тело человека».

Итак, «Двановский Чевенгур» представляет коммуну свободных от иерархии и идеологических принуждений людей. Следуя за утверждением М. Золотоносова, ее можно именовать «спонтанной коммунитас» в смысле Виктора Тэрнера, т. е. той непосредственной и спонтанной ассоциацией людей, которая противостоит укрепленной, обусловленной контрактом *социальной структуре*.

Популярность Розы Люксембург в России периода гражданской войны подчеркивается многими платоноведами⁷. Она проявляется, например, в празднике «трех Л.» (Ленин, Либкнехт, Люксембург) или в переводе книги «Накопление капитала» (1923). О раннем интересе Платонова к данной марксистской струе говорит опубликованное в 1921 г. в «Воронежской коммуне» стихотворение «Последний шаг». Лирический герой этого стихотворения воспринимает смерть Либкнехта и Люксембург, которых он называет «братьем» и «сестрой», как шаг к бессмертию будущего человечества.

Существенная для анализа романа разница между Люксембург и русским большевизмом относится к роли народных масс в историческом процессе. Масса для Люксембург — настоящая личность истории. Роль революционных лидеров, следовательно, ограничена. По Люксембург, в России особенно велика традиция стихийных движений, — «от себя» вспыхивающих массовых забастовок, «творческих актов экспериментирующей классовой борьбы». «Бессознательное» здесь, пишет Люксембург в статье «Вопросы организации русской социальной демократии»⁸, реплике на ленинский трактат «Шаг вперед, два шага назад», «предшествует сознательному, логика объективного исторического процесса субъективной логики его деятелей». Показателен в этом отношении образ моря для психики массы, стихийность и мертвый штиль которой штурман должен учить в своем курсе⁹. В этой же статье Люксембург определяет ленинскую позицию как «ультрацентралистическое направление русской партии». «Жизненный принцип» этого «беспощадного централизма» она видит, с одной стороны, в «резком обособлении организационной группы действующих революционеров от их окружающей, если даже и не организованной, но революционно-активной среды; с другой стороны, в жесткой дисциплине и непосредственном, решающем вмешательстве центральной власти во все жизненные проявления локальных организаций партии, порой даже в личный состав каждой русской локальной организации начиная с Женевы и Лютиха до Томска и Иркутска»¹⁰.

Подчиненность одной, строго организованной власти, «которая сама за всех думает и решает» (определение Люксембург), она рассматривает как «механический перенос организационных принципов бланкистского движения с кружков заговорщиков на социалдемократические движения рабочих масс»¹¹.

При этом проступки, совершенные «истинно революционным рабочим движением, исторически неизмеримо плодотворнее и ценнее, чем непогрешимость наилучшего „Центрального комитета“»¹².

Несмотря на то, что во «втором Чевенгуре» двоевластие Чепурного и Прокофия вытесняется Копенкиным и Двановым, функции обеих пар резко расходятся. Прокофий убежден, что революционный вождь имеет полное право выдавать массам «имущество и счастье» «частичными порциями». (Ср. также аргумент Прокофия против выступления старика-прочего: «Мы же — главный орган, а старик при-

шел из ненаселенных мест, ничего не знает и говорит, что мы — не главные...») Дванову с Копенкиным, напротив, удается вызвать общее движение без явной организации, включая пролетариат в лице Якова Титыча как самостоятельного деятеля. При этом Копенкин скорее представляет массу, на что указывает то обстоятельство, что его ведет лошадь — символ бессознательного. (О душевном устройстве героя сказано, что «Копенкину ничего не снилось, потому что у него все сбывалось наяву».) Дванову же принадлежит роль «штурмана», особенно в тех ситуациях, где Копенкин спешит ликвидировать ненавистные ему учреждения и людей (например, коммуну «Дружба бедняка» или самого Прокофия). Однако Дванов, стремясь полностью «почувствовать желания» других людей, не столько исполняет роль главного командующего, сколько роль катализатора. Копенкин, который верил, «что люди сами справедливо управляются, если им не мешать», нередко даже оказывает на него непосредственное влияние. Он, например, побуждает его вырубить Биттермановское лесничество, и, что для дальнейшего хода действия особенно важно, он уговаривает его прекратить контакт с административным центром. (Когда Дванов собирается послать отчет в губернию, чтобы узнать, что там делается, Копенкин возражает: «И знать нечего: идет революция своим шагом...») Копенкин в романе открыто выступает против централизованной власти. Он — рыцарь революции *снизу*. Как выражение сопротивления централизму мы понимаем и сцену в степи, когда он грозит голому кусту: «...если Роза тебе не нужна, то для иного не существуй — нужнее Розы ничего нет». Копенкин считает себя не властью, а «природной силой». Многозначно в этом смысле его воображение при виде портрета Розы в одном волостном ревкоме: «Он присмотрелся к ее розовым щекам и подумал о пламенной революционной крови, которая *снизу* подымает эти щеки и все ее задумчивое, но рвущееся к будущему лицо».

Сначала критика большевистского централизма и ленинизма прозвучит в романе иронично. Нестарый мужик ободряет бывшего крестьянина, который питается теперь непосредственно почвой: «Тебе б пора Лениным стать, будя богом-то!» На вопрос Копенкина, кто дал ему свое властие, полномочный волревкома, Достоевский отвечает: «Да я ж тут все одно что Ленин!» Не менее остра фраза приказчика лавки: «Дождались: Ленин взял, Ленин и дал». Характерен авторский комментарий фразы — «покрывая грехи «военного коммунизма»». Ставя исторический термин «военный коммунизм» в кавычки, автор вступает в открытую полемику со своим героем. В столкновении с Копенкиным и Яковом Титычем, наконец, и Чепурным убеждается в том, что Ленину, который сидит на Валдайских горах, «пора не писать, а виться обратно в пролетариат и жить». Он чувствует в себе жжение стыда, когда Яков Титыч упрекает его в том, что они с Прокофием говорят «важно», будто они сидят «на бугре, а прочие в логу». Таким образом, «второй Чевенгур» становится местом, в котором централизованная верхушка со своей организационной структурой и батрацкий, анархистский и разрозненный овраг, образно говоря, сливаются в ровную степь. Придерживаясь обсуждаемой идеологической подоплеки, можно найти и объяснение фатальной вырубки Биттермановского лесничества, которая для мелиоратора и автора статьи «Человек и пустыня»¹³ являлась святым: «проступки базиса исторически важнее, чем непогрешимость ЦК».

Разделение романа на две утопии, на «коммунизм Чепурного» и на «Двановский Чевенгур», позволяет истолковывать произведение и как сатиру на реально существующий советский строй, и как защиту того социализма, за которым стоит

имя Люксембург. Неизбежен, кажется, тут широко обсуждаемый вопрос о так называемых «кадетах» в конце романа. Прибавим к общей дискуссии¹⁴ лишь текстологический аргумент: имена «казаки» и «кадеты» прозвучат всего один раз, в устах Чепурного, который в данный момент видел всадников только издалека. Автор-повествователь, за одним исключением, употребляет нейтральные в данном смысле названия (солдаты¹⁵, наступающий отряд, воин, всадник, кавалерист, или, с точки зрения воюющих героев, враги, противники, банда). Единственное исключение — слово «буржуазия» — появляется в персональной форме косвенной речи Пашинцева, т. е. того персонажа, который убежден, что «в девятнадцатом году у нас все кончилось — пошли армия, власти и порядки»¹⁶. В 1919 г. VII съезд партии провозгласил «полное господство» партии над государственными организациями, в том же году умерла и Роза Люксембург.

Итак, интерпретация романа как противоборства двух коммунистических начал способна снизить в известной мере «амбивалентность платоновского пафоса»¹⁷. Остается, однако, немало открытых вопросов. Один из них касается единства места действия. Является ли истребление чевенгурского населения в «первом Чевенгуре» необходимым условием «Двановской коммуны»? В подобном этому вопросе колебалась сама Люксембург. Хотя она была убеждена, что социализм нельзя навязать указами, что самое главное — быть добрым, в «ряде насилистенных мер — против имущества и т. д.» она видит предпосылку социализма. В трактате «Русская революция» она пишет:

«Отрицательное, разрушение можно декретировать, а восстановление, положительное нельзя. Тысяча проблем. Только опыт в состоянии исправлять и открывать новые дороги. Только лишь бурно кипящая жизнь распадается на тысячу новых форм, импровизации, освещает творческую силу, исправляет все промахи. Общественная жизнь государства с ограниченной свободой потому так скучна, убога, схематична и неплодотворна, что она ограничает себя тем, что исключает демократию — живой источник всех духовных богатств и прогресса»¹⁸.

Против истолкования, что насиственный режим Прокофия и Чепурного является предпосылкой «Двановской коммуны», говорит, однако, явно отрицательный характер главного организатора. Другой вопрос вытекает из высказывания самого Копенкина. Почему к концу романа Копенкин предпочитает Розу Люксембург жизни в Чевенгуре? Остается ли тот социализм, о котором мечтают самоотверженные герои, вечным городом на дне озера и, следовательно, «Чевенгур» — романом, который показывает несостоятельность социализма в стране? Видно, что «Чевенгур» произведение такого масштаба, где нельзя все мерить одной меркой. Роман, напротив, заставляет задуматься о самой концепции имплицитного автора. Понятие «имплицитный автор», ведь, исходит из представления, что есть синхронное единство всех аргументов в одном тексте, которыми автор полностью обладает. В романе «Чевенгур», который писался годами, этой формуле противостоят разные исторические авторы. Известно, что роман составлен из фрагментов, которые отчасти были написаны еще в первой половине 1920-х гг. Если предположить, что где-то в середине 1920-х гг. произошло «охлаждение» Платонова к революционным происшествиям, то необходимо учитывать, что возникают разногласия между разными фрагментами не только на уровне стилистики, но и идеологии. Тем не

менее в романе преобладает общая тональность. В терминологии Тэрнера ее можно истолковать как *некончаемую тягу к спонтанной коммунитас*, которая сопутствует сознанию, что осуществленная коммунитас непременно переходит в социальную структуру.

¹ Колесникова Е. Рукописное наследие А. Платонова в Пушкинском Доме // Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 207–264.

² Литвин-Молотов Г. <Письмо А. П. Платонову> // Андрей Платонов. Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994. С. 219.

³ Аргументируя при этом преимущественно на уровне непосредственной идеологии, мы не оспариваем присутствия других пластов значения в романе.

⁴ Абсурдность экспроприации имущих в романе разъясняет и гражданин Недоделанный, рысака которого отдали бедняку Петьке. Поскольку он теперь стал бедняком, рассуждает старый дезертир Петька, у которого ни корма, ни знания в лошадях, то вынужден будет отдать ему жеребенка. «...похотят ли бедняки-лошадники жеребят и телок нам пить», — спрашивает он «здравым смыслом».

⁵ Сталин И. К вопросам ленинизма // Stalin I. Сочинения. Т. 8. М., 1952. С. 37. По отношению к неровной паре Прокофий и Чепурный оправдывается критика Гурвича, что платоновский «идеал жизни — распустить город, распустить государство и пустить всех людей по миру» (Гурвич А. Андрей Платонов // Красная новь. 1937. № 10. С. 216).

⁶ Искусство в Чевенгуре, так же, как и, по высказыванию Платонова, в «Че-Че-О» (1928), является средством выражения дружеских чувств: Копенкин рисует для Дванова портрет Розы Люксембург, чтобы он тоже научился ее ценить, Дванов же, в свою очередь, сочиняет для своего друга биографию революционерки. Знаком выражения дружбы служат и глиняные скульптуры, которые представляют различных жителей города. Во втором, политически смягченном варианте «Че-Че-О» (Новый мир. 1928. № 12) Федор Федорович объясняет: «Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это труднее и нужнее всего». Коммунизм, по мнению автора, выражается в этом сближении людей. Изготовление вещей (предметов и пищи) при этом является необходимым условием, за которое государство должно нести ответственность. Об отказе от искусства в «Коммунизме Чепурного» свидетельствует сцена с поющей женщиной в кotle, который катили в овраг: «Нам нужно счастье, а не искусство». См. также слова повествователя: «В Чевенгуре не было искусства...»

⁷ См.: Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982. С. 194; Золотонов М. «Ложное солнце» («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 268.

⁸ Organisationsfragen der russischen Sozialdemokratie // Luxemburg Rosa. Politischen Schriften III. Frankfurt a.M., 1968. С. 92.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 86. Тогда мышькотою этой концепции в большинстве художников.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Там же. С. 7, 105.

¹³ Ср.: «Вырубая по склонам леса, взбудораживая степной дерн, человек дает свободный скат весенним и ливневым водам с поверхности земли. Скатываясь, вода вымывает из распаханных степей полезные вещества, хлеб растений, и уносит эти вещества в реки, а потом в моря» («Человек и пустыня»).

¹⁴ В отличие от Геллера, утверждавшего, что чевенгурскую коммуну уничтожил отряд Красной Армии (см.: Указ. соч. С. 189), Золотонов связывает разгром с усилением деятельности различных банд весной 1921 г. (см.: Указ. соч. С. 259). Интересно замечание Сергея Платоновича Климентова, который мальчиком, во время гражданской войны держал лошадей: «Красные приезжали, надо было держать лошадей, белые — надо было тоже. Они между собой ничем не отличались, только в идеологии, а наружность та же самая. Я держал всем лошадей» (С. П. Климентов, разговор с Р. Ходелем, 6/IV 1996 г. Санкт-Петербург).

¹⁵ Слово «солдат» в статьях о гражданской войне Платонов относит то к красным, то к белым. В статье «Красные вожди» мы читаем: «Красной армии нужны рабочие командиры, вожди полной революции, солдаты передовых наступающих цепей... Это солдаты последнего момента, последнего напора, кануна окончательной победы, ибо всякий солдат всякой белой армии по сравнению с ним волк против льва» (Красная деревня. 1920. 16 июня).

¹⁶ Ср.: «Парад. Черные чертики фотографы снимают пролетариат. Люди в полном облачении, т. е. галифе, нагане, коже и т. д. Устанавливают порядок, чтобы было приличное лицо у революции» («Душа человека — неприличное животное», 1921).

¹⁷ Яблоков Е. Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 20-х — начала 30-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 58.

¹⁸ Luxemburg Rosa. Указ. соч. С. 92.